

ДИНО БУЦЦАТИ

ЗАГАДКА СТАРОГО ЛЕСА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.131.1-31

ББК 84(4Ита)-44

Б94

Серия «Эксклюзивная классика»

Dino Buzzati

IL SEGRETO DEL BOSCO VECCHIO

Published in Italy by Mondadori Libri S.p.A.

Перевод с итальянского *О. Поляк*

Серийное оформление и компьютерный дизайн

А. Фереца, Е. Фerez

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается по соглашению с The Italian Literary Agency
и Международным Литературным Агентством ELKOST.

Буццати, Дино.

Б94

Загадка Старого Леса : [роман] / Дино Буццати ; [перевод с итальянского О. Поляк]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-133468-0

Полковник в отставке Себастьяно Проколо — человек, который никогда не улыбается, — получает в наследство дом и участок леса в горах, однако большая часть владений унаследована племянником полковника — двенадцатилетним Бенвенуто, сиротой, живущим в пансионе. Старый Лес — волшебное место: в стволах вековых елей живут духи, которые могут принимать облик человека или зверя. И потому никто и никогда не решался вырубать те деревья. Но полковник не верит в глупые легенды и решает навести в Старом Лесу свои порядки, разобравшись заодно и с племянником...

Причудливая и изящная «Загадка Старого Леса», с ее легкой и печальной интонацией, на первый взгляд относится к жанру литературной сказки для взрослых, однако за незамысловатой в сюжетном отношении имитацией народной легенды скрывается глубокая притча о губительности противостояния человека и природы.

УДК 821.131.1-31

ББК 84(4Ита)-44

© Dino Buzzati Estate

© Перевод. О. Поляк, 2018

ISBN 978-5-17-133468-0

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Глава I

Мы знаем, что полковник Себастьяно Прокколо приехал в Нижний Дол весной 1925 года. Антонио Морро, его родной дядя, умирая, завещал Прокколо часть огромного лесного угодья, расположенного в десяти километрах от поселка.

Оставшаяся часть владений — а она была значительно больше той, что унаследовал полковник, — перешла в распоряжение двенадцатилетнего Бенвенуто Прокколо, который приходился Морро внучатым племянником. Отец Бенвенуто давно погиб, мальчик был круглым сиротой и жил в пансионе неподалеку от Нижнего Дола.

Прежде опекуном Бенвенуто считался Антонио Морро. После его смерти заботиться о мальчике пришлось полковнику.

В те времена, да и, в общем-то, всю свою жизнь Себастьяно Прокколо был высок и худо-

щав, носил пышные усы, отличался необыкновенной силой и выносливостью; рассказы-вают, он мог расколоть орех, зажав его между большим и указательным пальцами левой руки (Проколо был левшой).

Когда он подал в отставку, солдаты вздохнули с облегчением: такого сурового и требовательного командира поди-ка поищи. В день, когда Проколо, уходя, в последний раз переступил порог казармы, полк провожал его во дворе — уже много лет солдаты не выстраивались так быстро и безупречно; горнист, лучший в полку, превзошел самого себя, трижды протрубив в свой горн, да так чисто, задорно и бойко, что слух об этом разлетелся по всему гарнизону. Полковник лишь слегка скривил губы — и это даже напоминало улыбку*, — сделал вид, будто он счел за глубокое почтение то, что на самом деле было тайной радостью по поводу его отставки.

* Никто никогда не видел, чтобы Проколо улыбался по-настоящему. *(Здесь и далее прим. авт.)*

Глава II

Морро, хозяин великодушный, был самым богатым человеком в долине и почти не пытался извлечь доход из своих владений. Он, правда, вырубал деревья, но лишь на небольшом участке леса. Самые красивые и могучие деревья — так называемый Старый Лес, который, впрочем, был не столь уж велик, — оставались нетронутыми. В Старом Лесу росли вековые ели; во всей округе, а возможно, даже в целом мире не найти старше. Столетиями топор не касался ни одного ствола. Полковнику достался в наследство как раз Старый Лес, где был дом, в котором жил Морро; кроме того, он получил узкую полосу примыкавших к лесу земель.

Как и все жители долины, Морро относился к Старому Лесу с благоговением. Незадолго до своей смерти он пытался — увы, напрасно — сделать те места национальным заповедником.

Спустя месяц после его кончины власти в благодарность за вклад, который Морро внес в сохранение природы, поставили ему памятник: на поляне перед его домом была установлена ярко раскрашенная деревянная статуя.

Все находили в ней сходство с покойным Морро и восхищались. Но когда на церемонии открытия оратор произнес: «...и поистине своими трудами он заслужил этот нетленный символ нашего почтения», собравшиеся, ухмыляясь, стали толкать друг друга локтями в бок и посмеиваться: как ни крути, статуя простоит полгода, не больше, а потом сгниет.

Глава III

Встречать полковника Проколо, прибывшего с поездом, отправился на своем старом автомобиле Джованни Аюти, человек средних лет. Разговор не клеился. (Потом старина Аюти не раз упрекал себя в том, что был дерзок и несдержан.)

— Чудеса! — выпалил он, едва успев поздороваться с полковником. — Знаете, а ведь вы как две капли воды похожи на беднягу Морро. Точно такой же нос.

— Вот как? — осведомился полковник.

— Да, сходство необычайное, — подтвердил Аюти. — Вылитый Морро. Если, конечно, не принимать во внимание...

— Вы тут все такие шутники? — произнес полковник ледяным тоном.

— Ну, пожалуй, не все, — смутился Аюти, — но иногда у нас шутят... Боже правый! Да мы не претендуем на остроумие.

Они поехали напрямик к дому Морро. Первые пару километров дорога шла по низине, через поля, которые потом сменились широкими лугами. Примерно за четыре километра от дома начался лес — сначала редкий, с высокими тощими деревцами.

Не доезжая километра до жилища Морро, автомобиль поднялся на плоскогорье и помчался вдоль просеки. Отсюда отлично просматривался — он хорошо виден и теперь — Старый Лес, который раскинулся меж двух гор, похожих на конусы с усеченной верхушкой, и затем взбирался на хребет, что тянулся над долиной. Вдалеке торчала желтая скала высотой в сотню метров, прозванная Рогом Старика, — голая и выщербленная, вся в трещинах и уступах, она выглядела угрюмо и отталкивающе.

Пока они ехали, рассказывал потом Аюти, полковник вспылит трижды.

В первый раз он расвирепел, когда автомобиль встал на крутом повороте дороги неподалеку от просеки: в баке закончился бензин. Аюти, правда, сумел скрыть эту истинную причину остановки от Проколо, который плохо разбирался в двигателях. Сказал, что здесь, на подъеме, так происходит всегда, ведь машина

совсем изнашивалась и утратила былую прыть* . Полковник смирился с тем, что дальше придется идти пешком, однако был явно раздосадован. «Ну а Морро? — поинтересовался он. — Неужто и он плелся отсюда до самого дома?»

«У Морро, — ответил Аюти, — была лошадь с телегой. И что удивительно, лошадь умерла на следующий день после него. На редкость преданное животное».

Во второй раз полковник разозлился, когда они оказались у высокой сухой лиственницы. Они шагали по дороге, и откуда-то сверху раздался хриплый стрекот. Задрвав голову, Проколо разглядел крупную черную птицу, примостившуюся на ветке.

Аюти объяснил, что это старая сорока, которая служит тут сторожем. Покойный Морро очень ценил ее: днем и ночью сорока сидит высоко на дереве, и стоит кому-нибудь пройти мимо, как она сразу подает голос, предупреждая тех, кто в доме. Крик и правда можно было услышать издали. Сметливая птица беспокоила хозяина лишь в том случае, если шли к до-

* После этого случая Аюти, даже если он ехал один, был вынужден каждый раз останавливать машину на том подъеме и оставшиеся два с половиной километра шагать пешком.

му; на тех, кто спускался в долину, она даже не обращала внимания. Лучшего сторожа и не пожелаешь.

Проколо тут же заявил, что это ему не по нраву. Разве можно доверять птице? Морро, любезному дяде, следовало поставить часовым человека, который передавал бы верные сведения. Кроме того, наверняка птица иногда спит — как же она во сне наблюдает за дорогой? Сорока, сказал Аюти, спит с открытыми глазами.

— Слышал я такие рассказы, — ответил Проколо, желая положить конец разговору, и зашагал дальше, размахивая тростью; он даже не смотрел по сторонам и до самого дома так ни разу и не взглянул на лес — а ведь лес отныне принадлежал ему.

В третий раз Проколо рассердился уже возле дома. Дом был старый и построен довольно причудливо — впрочем, его можно назвать красивым.

Взгляд нового хозяина сразу упал на жестяной флюгер, торчавший над трубой.

— Это, похоже, гусь? — спросил он.

Аюти кивнул: флюгер, точно, сделан в форме гуся, его смастерил Морро три года назад.

Тогда полковник сказал, что, по его мнению, в доме нужно многое поменять.

К счастью, подул легкий ветерок — из тех, какие почти всегда снуют в больших лесах, и полковник заметил, что гусь вертится бесшумно. Это немного успокоило его.

Тем временем на пороге показался Ветторе, слуга Морро, — ему шел уже шестой десяток; я в вашем распоряжении, объявил Ветторе полковнику и прибавил, что кофе готов.

Глава IV

На следующее утро, около половины одиннадцатого, в дом вошли пятеро мужчин, о прибытии которых заблаговременно сообщила сорока. Они были членами лесной комиссии и хотели проверить, как идут дела.

Глава комиссии объяснил полковнику, что по закону такие осмотры должны совершаться регулярно, дабы удостовериться, что хозяин не уничтожает слишком много деревьев и трав. К Морро у них претензий не было, он распоряжался своими владениями как нельзя благоразумнее и, хотя выжал все соки из рощи, прилегающей к просеке (теперь необходимо беречь эту рощу и не прикасаться к ней в ближайшие годы), оставил в безупречном состоянии леса, которыми отныне владеет Бенвенуто, и, главное, никогда не посягал на Старый Лес, гордость долины. Но комиссия

должна выполнять свои обязанности, ничего тут не поделаешь.

Полковник встретил их прохладно, но, в общем-то, был не прочь взглянуть на Старый Лес, о котором ему столько рассказывали.

И Проколо вместе с членами комиссии отправился в путь. Пройдя через участок вырубленного леса (глава комиссии только руками развел, удивляясь, что Морро мало-помалу уничтожил тут почти всю растительность и роща сильно поредела — случись ураган, от нее совсем ничего не останется), они оказались перед деревянной изгородью, за которой начиналась густая чаща и росли в основном ели, могучие исполины.

Здесь — ни следа вырубков. Лишь неподалеку от изгороди лежало толстое дерево — скорее всего, оно рухнуло от старости или его повалил ветер. Никто не позаботился о том, чтобы вывезти его отсюда, и ветви обросли мягким зеленым мхом.

Завязался разговор.

Полковник спросил, дозволено ли ему рубить деревья по крайней мере в Старом Лесу.

Глава комиссии ответил, что запрета нет, но, разумеется, нужно знать меру.

Тут вмешался его товарищ, Бернарди, он был высок и крепко сложен, с мягкими чертами лица; определить его возраст никто не смог бы.

— Запрета нет, это правда, — сказал он. — Но хочется верить, полковник, что в благородстве вы не уступаете своему почтенному дядюшке Морро. Речь идет о вековых елях, старше которых нет, насколько известно. И я уверен, что вы не намерены...

— Своих намерений, — оборвал его Проколо, — пока не знаю я сам. А еще я не терплю, когда суют нос в мои дела, простите за грубость...

— Извольте выслушать меня до конца, — сказал Бернарди, — и не горячитесь. Давно, много веков назад, на этой земле не росло ни травинки. Хозяином тогда был разбойник, атаман Джакомо, прозванный Джако, человек железной воли, он даже командовал собственным войском. Однажды он возвратился к себе в хижину, потеряв в бою всех своих людей, раненый и до смерти усталый. Тогда он подумал: впредь нужно быть осмотрительнее, ведь если меня начнут выслеживать, спрятаться ровным счетом некуда; посажу-ка я лес, в котором смогу скрываться. Сказано — сделано, Джакомо посадил лес, но, поскольку деревья растут мед-

ленно, ему пришлось ждать до восьмидесяти лет. Тогда он снова собрал войско и отправился на дело, как в былые времена. С тех пор много воды утекло, но кто поручится, полковник, что Джакомо не вернется сюда в один прекрасный день? Скажу вам больше: его ждут не сегодня завтра, и, может статься, он придет прямо вечером. И конечно, у него не окажется ни гроша за душой и ни единого соратника. За ним по пятам будут гнаться сотни мужчин и, может быть, даже женщин — все с ружьями и дубинами. А у него в руках только кривая сабля, он голоден и без сил. Неужели он не имеет права вернуться в свой лес, чтобы тут, среди деревьев-великанов, найти убежище? Ведь лес по-прежнему принадлежит ему, разве не так?

— Терпение мое вот-вот лопнет, — отрезал полковник. — Что за чушь вы несете.

— Кажется, я не сказал ничего нелепого, — повысил голос Бернарди. — Посягнуть на этот лес — вещь неслыханная, запомните.

Он пробормотал еще что-то и зашагал прочь, в глубь Старого Леса.

Глава комиссии, желая оправдать Бернарди, сказал, что тот действительно странноват, часто тревожится по пустякам, зато никто лучше него не знает лес, а если нужно вылечить